

34. Губачев В.Г. Указ. соч. С. 164.
35. Там же. С. 167.
36. Румянцев Ю.В. Указ. соч. С. 186.
37. Древний город на Оби... С. 307.
38. Сургут. Экономика и финансы. Сургут, 2003. С. 7.
39. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 370.

Рукоуев Е.Ю. (Екатеринбург)

Использование труда заключенных при добыче благородных металлов на Урале

В учебной литературе по истории дореволюционной России иногда можно встретить мнение, что для добычи полезных ископаемых, особенно благородных металлов, обычно применялся труд каторжников. На самом деле всё обстояло несколько иначе.

В отличие от Сибири, где труд заключенных и ссыльнопоселенцев широко использовался при добыче золота, на Урале эта категория рабочих, особенно после отмены крепостного права в 1861 г. практически не находила применения. Да и до 1861 г. арестанты, вернее сказать наказанные в административном порядке за различные провинности мастеровые и работные люди казенных горных заводов, привлекались к добыче золота и платины очень редко. С передачей же в 1860-1870-х гг. всей добычи золота в частные руки, эта категория рабочих вообще исчезла. Тем более интересно рассмотреть случай использования труда арестантов для добычи платины в Николае-Павдинском горном округе, принадлежавшего астраханскому купцу К.П.Воробьеву. Добыча платины находилась в районе селения Кытлым на Северном Урале, этот регион всегда испытывал трудности с набором рабочих на золотые и платиновые прииски, видимо по этому администрация округа решила поискать новые источники пополнения рабочей силы. С этой целью 12 апреля 1907 г. уполномоченный Пермского губернского тюремного инспектора, начальник Николаевского исправительного арестантского отделения, расположенного недалеко от Нижне-Туринского завода, надворный советник А.С.Югуртин и управляющий имениями купца К.П.Воробьева инженер путей сообщения Б.А.Перлов заключили соглашение об условиях работы арестантов на платиновых промыслах округа. Югуртин обязался откомандировать в казенной одежде и обуви на платиновый рудник Кытлым партию арестантов в 100 человек в сопровождении надлежащего караула для производства работ в течение всего года. Перлов, принимая в работы в Кытлым 100 человек и более арестантов, обязался за счет имения организовать доставку на прииск, как самих арестантов, так и их охраны. Для жилья арестантам округ обязался предоставить казармы с отоплением и освещением, а чинам охраны квартиры так же с отоплени-

ем и освещением. Казармы и территория для жилья арестантов, во избежания побегов, были укреплены и поставлен частокол (1).

Продовольственные припасы, как то: ржаная и пшеничная мука, мясо, гречневая и ячменная крупа, пшено, картофель, капуста, коровье масло, перец, лавровый лист и проч. должны были предоставляться по установленным тюремным нормам за счет казны, но округ должен был оплачивать счета ежемесячно. Лечение арестантов амбулаторно и помещение в больницу производилось также за счет владельца округом (2).

Арестанты должны были быть снабжены всеми инструментами для работ из склада управления рудниками. Выплату заработной платы необходимо было производить не позднее 10 числа каждого месяца в следующем размере: за вскрытие торфов (земляные работы) на лошадях и таратайках владельца за 1 кубическую сажень от 2 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп.; за свалку торфов и проводку канав - поденная плата от 80 до 90 коп.; отвозка, откатка, сцепление, отцепка вагонов - поденная плата 75 коп.; добыча платиноносных песков - за кубическую сажень от 3 руб. до 3 руб. 50 коп.; заготовка дров в лесу - погонная сажень по 75 коп.; вывозка дров из леса на владельческих лошадях по 45 коп. с погонной сажени (3). Сверх этого, управление рудников обязано было уплачивать ежемесячно вознаграждение 7 чинам охраны - 70 руб. и вознаграждение арестантам: водовозу, кашевару, хлебопеку, водогрею, банщику (по 5 руб. каждому) – всего 25 руб. и с заработанной арестантами общей суммы по 10% с рубля на улучшение пищи рабочим-арестантам (4).

Таким образом, получается, что никакой разницы в оплате труда между арестантами и вольнонаемными рабочими на платиновых приисках не существовало. В соседнем, Нижне-Тагильском горном округе, в 1906 г. на платиновых приисках за перевозку кубической сажени платиноносного песка платили 3 руб. 40 коп., торфов - от 2 руб. до 2 руб. 40 коп. (5), поденная плата в эти годы на приисках губернии была от 50 коп. до 1 руб. (6). Рацион арестантов так же ничем не отличался от питания других приисковых рабочих. Разница состояла только в том, что вольнонаемный рабочий трудился под контролем приисковой администрации, и после работы мог сам распоряжаться своим свободным временем, а арестант был все время под контролем вооруженной охраны. Судя по всему, использование труда арестованных не нашло применение в дальнейшем на приисках Урала, в том числе и на приисках Николае-Павдинского горного округа, в архивных материалах не удалось обнаружить продолжение действия этого договора. Свободный человек работает на себя и заинтересован в своем труде, арестант трудится по принуждению и думает только о скорейшем окончании срока заключения, накладные же расходы предпринимателя при этом неуклонно возрастают, так как не-

обходимо оплачивать питание и содержание заключенных, а так же платить за охрану.

1. ГАСО. Ф.172. Оп.1. Д.2. Л.1-1 об.
2. Там же. Л.1.
3. Там же. Л.2.
4. Там же. Л.2.
5. ГАСО. Ф.51. Оп.1. Д.582. Л.119.
6. ГАСО. Ф.47. Оп.1. Д.590. Л.23.

Смирнов С.В. (Екатеринбург)

Эффект «исторической реальности» в воспоминаниях бывших российских эмигрантов из Маньчжурии

Современная ситуация в области гуманитарного знания и, в частности, в истории, которую в известной степени можно было бы обозначить кризисной, актуализировала отношение к «исторической реальности», «прошлому, понимаемому как сумма того, что действительно произошло, [как чему-то] недостижимому для историка». Реализм в изображении, воссоздании прошлого оказывается понятием относительным, определяющимся системой репрезентативных стандартов, принятых в данной культуре, в данное время. Существуют различные реальности, соответствующие разным способам изображения мира, репрезентативным кодам (нечто подобное симулякрам Ж. Бодрийара), и не существует никакой первичной реальности, лежащей в основе всех других представлений о реальности (1). В этой ситуации исторический источник (нарратив) выступает не только носителем информации (более или менее объективной) о прошлой реальности, но и (или прежде всего) отражением системы представлений о прошлой реальности, характерной для определенной социальной группы, слоя, индивида в горизонте их коллективного и индивидуального исторического опыта. Как отмечает А.Л. Юрганов, в историческом источнике заключен «миф» его автора, разворачивающегося в тексте свое пространство смыслополагания (2).

Исследуя историю российской эмиграции в Маньчжурии (северо-восток Китая), мы выявили целый пласт источников личного происхождения, исходящих их среды бывших эмигрантов. Например, такими источниками являются воспоминания, публикуемые на страницах ряда печатных изданий региональных отделений общественной ассоциации «Харбин»: газеты «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск), «Русские в Китае» (Екатеринбург), журнал «Русская Атлантида» (Челябинск) и др. Данный источник, несмотря на призывы отдельных авторов и редакций к «повышенному вниманию, ответственности, а также особой «чистоте» и истинности в изложении фактов и событий, равно как и уверенности в их полной достоверности» (3), является ничем иным, как отражением